

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник–четверг 9.00-20.00
Суббота, воскресенье 12.00-20.00
Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПЕРЕД НАЧАЛОМ УЧЕБЫ

Впереди начинается учебный год в системе политического и экономического образования. В началу этого события в партийных организациях области прошел День пропагандиста, на котором были подведены итоги минувшего учебного года и намечены задачи на предстоящий учебный год.

В Дворце культуры им. К. Маркса состоялось собрание пропагандистов Центрального района. Перед участниками собрания выступил второй секретарь райкома КПСС А. Ф. Сафонов. Отметив размах социалистического соревнования за достойную встречу XXVI съезда партии, он указал на ведущую роль в нем слушателей системы политического и экономического образования. Именно они в работе «XXVI съезда партии» — 26 ударными членами. Многие из них по-специальному прятлились, деятельно участвуют в радиономинации и изобретательстве. Задача дальнейшего упрочения связи обучения с жизнью и вперед остается важнейшей для руководителей кружков и семинаров.

Доцент университета В. М. Искра прочитал лекцию «Коммунистическая партия — учитель и советник нашей эпохи». Доцент Б. Я. Табличников выступил с лекцией «Внешнеполитическая деятельность КПСС и Советского государства».

А. Ф. Сафонов от имени района КПСС вручил почетные грамоты М. Д. Калинину, С. С. Назарову, В. А. Федосову, В. И. Гаринскому и другим пропагандистам.

Перед пропагандистами партийной организации Воронежского авиационного завода выступил секретарь парткома В. В. Зыков. Проанализировав итоги минувшего учебного года, он подчеркнул остановки на задачах радиономинации и изобретательства в новом учебном году. Лектор университета марксизма-ленинизма Л. К. Кулничкин дал методические советы по темам первых занятий.

Большая группа пропагандистов была отмечена почетными грамотами. В их числе начальник технического бюро В. А. Воронцов, начальник ПТК В. С. Шерба, старшие мастера Б. И. Бутенко, Н. Ф. Буслев и другие руководители школ, кружков и семинаров системы партийного и экономического образования.

Имена пропагандистов З. С. Жигловской из партийной организации колхоза «Давыдовский», А. Д. Николаева из партийной организации совхоза «Лискинский» и других активистов идеологической работы не раз звучали на собрании, которое в День пропагандиста провел Георгий Дежинский, заместитель главного инженера КПСС. Участники собрания прослушали «Коммунистическую партию — учитель и советник нашей эпохи», которую прочитал секретарь горкома В. А. Тихонов, лекцию о международном положении, которую прочитал лектор общества «Знаний» Ю. Ш. Зельцер. С анализом работы школ, кружков и семинаров системы партийного и экономического образования выступил заведующий кабинетом политического просвещения горкома партии С. Г. Шелепов. В заключение группы пропагандистов были вручены почетные грамоты.

С лекциями перед пропагандистами Борисовского района выступили секретарь райкома И. И. Журина и старший преподаватель Воронежского медколледжа М. П. Ситник. Заведующий отделом пропаганды и агитации районного комитета партии В. В. Несторов рассказал о задачах партийной пропаганды в новом учебном году. Главному агроному колхоза «Россия» Л. И. Козлову, сотруднику племптицентра «Большевик» В. С. Латышевой, преподавателю химико-технологического лесхоза — технику Л. К. Яценко и другим пропагандистам были вручены почетные грамоты и подарки.

С лекциями перед пропагандистами Борисовского района выступили секретарь райкома И. И. Журина и старший преподаватель Воронежского медколледжа М. П. Ситник. Заведующий отделом пропаганды и агитации районного комитета партии В. В. Несторов рассказал о задачах партийной пропаганды в новом учебном году. Главному агроному колхоза «Россия» Л. И. Козлову, сотруднику племптицентра «Большевик» В. С. Латышевой, преподавателю химико-технологического лесхоза — технику Л. К. Яценко и другим пропагандистам были вручены почетные грамоты и подарки.

Интервью берет рабкор

ЗАБОТА О ТРУЖЕНИКАХ СЕЛА

С каждым годом улучшаются бытовые условия жителей сельского района. Ушли в прошлое времена, когда деревни, кирпичи, их заменившие современные газовые приборы, облегчившие труд домохозяек. Конечно, не сразу удалось от изнуряющей жары избавиться.

Я поговорила с главным инженером треста «Ольхогорэнергайз» Сергеем Алексеевичем Ольхогоровым. Он рассказал, что на селе и в деревнях, где нет газовых систем, из-за отсутствия газового хозяйства, как улучшилось бытовое обслуживание.

— В 1976 году мы еще могли удовлетворять потребности жителей района в газе, — ответил он. — Из-за нехватки транспорта, боязни, что газ может проникнуть в деревню, из-за отсутствия газового оборудования в деревне, из-за отсутствия газового хозяйства, как улучшилось бытовое обслуживание.

Сейчас в тресте работает 40 человек. Созданы службы газификации, автотранспорт, ремонтно-техническая служба по доставке газа. Автомобильная служба — круглогодичное.

Интервью взяла А. Бордюгова, рабкор. р. П. Ольхогорова.

НРАВСТВЕННЫЙ ДОЛГ КОММУНИСТА

ДОРОГИ К СЕБЕ

ОЧЕРК

Ярко-оранжевый ободок солнца, словно огромный язычок, вился в речную излучину, в тиши сумерек сиялся на небесной брежневской олимпиаде. Закат сопровождал антиподы, некошеной полынь, настенной на крутом чирноземе, прозрачные несесомые пастушки бывшего лета — эта извечная, но каждый раз по-новому звучащая осенняя мелодия подступила на рассထтание сердца.

В такие минуты просторий мыслам, яснее воспоминаниям. А судьба у моего собеседника гонимая яркая и стремительная. Спроси у любого железнодорожника: Россия про Андрея Васильевича Дегтярева и непременно услышишь: «Ну как же это быть, это первоходец тогдашнего железнодорожного, вынесенного тысячами километров. Ему сороковые годы одреном Ленинграда: его за трудовую доблесть и наставничество присудили звание Героя Социалистического Труда».

Потом старой развесистой яблоней, из которой, скромно сбитой, деревянной скамьей, мы беседуем час, другой, третий. Помимо завидной памяти у Андрея Васильевича, хотя седьмой десяток «разменился».

Прокурсы размыты на зарыбке, выду в сад послушать, как дальние поезды проезжают — и словно заново жить начну. А какими машинистами их волят! Вот, к примеру, Петра Друза. Можно сказать, академик в нашем деле.

Петр Кондратьевич Друз — чем-то похож на Андрея Васильевича. Правда, годами помните, чуть понижестом. А главное — сходство — отношение к своей профессии.

Трудное военное детство выпало на долю Петра Друза. Старший брат погиб, защищая Волгу, отец воевал под Ростовом. А сам он мальчишкой сел за руль трактора, чтобы сесть на него и смыть ростом. А главное — сходство — отношение к своей профессии.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Как-то в районном клубе смотрел фильм «Арикса», старый, еще деревенский. Уже там понравились один из героям картины Кося, кочегар, веселый, работящий, юморист. И мелодия фильма тоже вспомнилась, «Больше всех я знаю песен, лучше всех знаю я пар...»

В шествии с половины лета стал кочегаром. И, пониме, он помнит этот паровоз «ЭУ-714-1000». Следом — Народный фестиваль Финляндии. По трое суток крауду не покидали они паровоз, или линии фронта эшелона с винтовкой на плече. Всю ночь застыли в поезде, а обратным рееном — все больше синтетических эшелонов. На коротких остановках из голямского котелька сели солдатскую кашу, запивая ее кипятком из большого медного чайника.

Возрастел Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Следом Друз, набираясь ума... Порвал самостийностью поезд. Да так, пока, что даже видавшие виды машинисты динамики смеха, ловкости, напористости парня. Чуть ниже смотренного окна, на бронзовом плакате была вывезенная цифра — «500». Машинист-пятидесятник был тогда самым почетным званием для тех, кто стоял за правым крылом локомотива. Вот тогда-то и сошлись в одну дорогу двух моих собеседников — Дегтярева и Друза. Сосились, чтобы открыть широкий простор новому, еще более уверенному, шагу по пути высоких скоростей и весомых грузов — тысячному движению.

Это было боевое соревнование. Вчерашний рекорд машиниста Анатолия Карманова становился сегодняшней нормой Александра Горобцева. А день спустя гордеславские скользкие километры перекрывают ударным маршрутом Петра Друза. Его ф-

и, наверное, тогда в тяжелую для страны годину, Петр Друз скорее почтывался сержант, чем до конца понял разум, что ждет по советы — значит делать только добро для людей.

Меня то в дело сворачала в «мозгах», чтобы промежут трудовой славой на магистралью. И уж очень недорогим ко всему тому, что сдерживает бег

Друга — добрый, но же добренький, щелкунчик. И уж очень недорогим ко всему тому, что сдерживает бег

Друга — добрый, но же добренький, щелкунчик.

И все-таки высокая скорость сама по себе не самоцель. Об этом на открытом парламентском собрании говорил Петровский

Дегтярев. Он любит тяжелые

работы, любит чувствовать, как в тебе заложено

что-то из тебя выходит.

И вот на концепции

«Дороги к себе»

все-таки всплыла в голове

идея о том, что

ТОГДА, В ВОСЕМНАДЦАТОМ...

Как были открыты первые советские памятники А. В. Кольцову и И. С. Никитину

Приближается юбилей Кольцово-Никитинской лирической традиции в Воронежской области, которые по сложившейся традиции проводятся в первую декаду октября. В рамках этого интереснейшего культурного настинания проводятся многообразные мероприятия, призванные раскрыть перед читателями лучшие достичия воронежских литературных сил. Особый интерес вызывают к себе, естественно, дорогие для нас имена А. В. Кольцова и И. С. Никитина.

КИТАЙГОРОДСКОЙ стена неподалеку от Кремля валах вились москвичи. Рядом с наконечником памятника удастсяться изысканные камеры, а народные поэты в толпе то и дело звучали стихи Кольцова и Никитина, чьи монументы должны были открыть в этот воскресенье 1918 года.

Совет Народных Комиссаров Российской Республики под руководством Владимира Ильича Ленина за три месяца до того утвердил список писателей, заслуги которых перед трудящимися человечества новая власть решит отметить установлением памятников. Восемнадцатым в этом списке, открывавшимся фамилией Л. Н. Толстого, шел Иван Саввич Никитин, двадцатым — Алексей Васильевич Кольцов.

Страна переживала тяжелейшее время. Еще гремела кровавая битва с защитниками старого режима, вокруг свирепствовала разруха. Оттесив памятникам из бронзы не могло и речи. Решили ваять их из писка и в таком виде установливать, а потом, когда откроются большие возможности, заменять бронзовыми памятниками.

И вот наступила долгожданная день открытия. У Китайгородской стены собрались многочисленные депутаты рабочих и служащих. Мстории воинские части. Пробуют инструменты, проверяют пистолеты. Шиняют пустые репортеры. Стороне скромно стоят скульпторы А. П. Блажевский — автор памятника Никитину и С. Ф. Сырецких, изваявших Кольцова. Как писал потом корреспондент «Известий»: «Они видимо, полагают, ожидая минуты, когда их творения предстанут из-за угла народу».

Над головами рабочих колышутся красные знамена. В руках учащихся единой трудовой школы, сменившей преж-

нюю систему обучения и воспитания, — многочисленные венки с надписями: «Левшу народной печали Кольцову», «Певцу народной беды Никитину» и другими.

На импровизированную трибуну поднимается член первого в мире Советского правительства. Он провозглашает краткую речь, в которой, в частности, отмечает:

«Кольцов не был королем, но в своих стихотворениях он воспел народное страдание, мечтавшее о памятнике, чтобы каждый простодети...»

Следят больше поклонников, и глазам присущество народства предстает погруженный в грустную атмосферу Кольцова и печально выматривающий в дым Никитин. Анатолий В. Басильевич Луначарский пожал вспоминать эти памятники и сказать, что воздвигнутый Никитином был «лучше других».

Когда смолкнет оркестр, раздается резкий, но немного глуховатый голос Сергея Есенина. Он говорит о себе, о предшественниках нового поколения поэтов, об их заветах, о необходимости воспеть время свершения чаяний и Кольцова, и Никитина.

От сурковского кружка поэтов, существовавшего тогда в Москве, выступят Серафим Фомин. «Не гуляйте в скотогатый по воле строгого отца, но по природе — я обратил в душу Кольцова-Блажевского», — читал он строчки своего стихотворения.

Протекли годы. Сын природы разделил памятники, установленные молодой Советской властью лучшим людям прошлого. Вместо них со временем встали бронзовые и гранитные. Но память об одном из первых крупных мемориальных построек, вложивших в ленинградский план «монументальную пропаганду», никогда не забудется, как вечно ведущее слово тех, кому в грозном 1918 году были открыты монументы.

Григорий ЗЛЕНКО.

ЮБИЛЕЙ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА

МОСКВА. В сентябре исполнится 80 лет со дня рождения Бориса Ефимовича Ефимова, известного советского графика, народного художника СССР.

Многие десятилетия — в годы первых пятилеток, в годы Великой Отечественной войны и в мирное послевоенное время — верно служил народу «бесовой карандаш» галантного сорокарукависта Бориса Ефимова, разийного врага страны социализма.

НА СНИМКЕ: Б. Е. Ефимов.

(Фотохроника ТАСС).

Г. Лутков

В ОТМЕРЕННЫЕ НА ЗЕМЛЕ ГОДА

Ученка утащила щука.
Тревога в кашах, тревога!

На воду солнечную
шурлы,

Бубнит тепло
паромные шумы,

— Как люди за дитет?

Ед-богу!

Как люди...
А чего ж? Как люди!

Ребята в кашах, ребята в кашах...

И кончиком же деревянок...

Ребенок. Было так и будет,

Оно всегда в сossасах...

Самозабвенно в блеск...

